
СТАТЬИ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© Марочкин С.Ю.
Доктор юридических наук

Международное право характеризуется определенными новыми характерными чертами и тенденциями развития в начале нового столетия и тысячелетия. Сравнительно подобная ситуация наблюдалась после окончания второй мировой войны. Становление послевоенного устройства в середине XX века, создание системы ООН кардинально изменили картину мира. Устав ООН зафиксировал принципиальные основы современного миропорядка.

Переломный исторический момент в середине прошлого столетия стал рубежным и для международного права, также претерпевшего существенные изменения в своей природе, охвате и сфере действия, субъектам, другим важным характеристикам. Оно обрело определенный стержень: Устав ООН стал его центральным и конституирующим документом, все отрасли и институты международного права базируются на целях и принципах Устава, развиваются на его основе. Непреходящую значимость Устава подтвердили государства-члены ООН, выразив в Декларации тысячелетия свою приверженность его целям и принципам, «которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер».¹

По своей социальной природе из права «цивилизованных» народов международное право стало правом общения между государствами разных социальных систем и разного уровня – развитых, развивающихся и находящихся в процессе становления. В сфере его действия сегодня практически весь земной шар и все виды пространств, включая космос. Неизмеримо расширились круг и виды субъектов за счет стремительного роста числа международных организаций и структур, межгосударственных объединений, вовлечения в сферу правового регулирования бывших колониальных стран, коренных народов, юридических и физических лиц, неправительственных организаций. Сформировался целый ряд совершенно новых отраслей международного права.

Вместе с тем, в начале нового столетия и тысячелетия в междуна-

---

* В статье развиваются вопросы, затронутые в некоторых предыдущих публикациях автора.

¹ UN Doc. A/RES/55/2. 22 September 2000.

родном праве продолжают нарастать определенные изменения и тенденции развития. Они обусловлены крупными переменами в социальной и политической картинах мира, усилением взаимосвязанности и взаимозависимости государств, а также процессом глобализации, который, очевидно, является неуклонным и необратимым. Многие проблемы, имевшие ранее внутригосударственный или региональный характер, стали всеобщими. Очевидна тенденция к интеграции, «стиранию» границ, созданию единого политического, экономического, финансового, правового пространства, которая наиболее ярко проявляется в пределах европейского региона и имеет предпосылки к развитию и расширению.

Все это неизбежно сказывается на содержании и развитии международного права, его характерных чертах, значении на общемировом и национальном уровнях. Анализ всех изменений, а также будущего облика международного права заслуживает специального монографического исследования, вместе с тем, целесообразно обозначить оценки некоторых из наиболее значимых перемен.

Неуклонно усиливающаяся тенденция расширения и развития международных отношений имеет в качестве одного из следствий довольно интенсивный рост правовой основы межгосударственного общения. Все новые стороны взаимодействия государств получают правовое закрепление. По более радикальным оценкам, «происходит поистине ошеломляющее развитие международного публичного права», которое в XXI столетии еще более ускорится.²

Ныне оно обеспечивает правовую основу в сферах человеческой деятельности, которые ранее были вообще за пределами правового регулирования либо составляли исключительно внутреннюю компетенцию государств.

Едва ли не самый яркий пример – сфера прав человека, традиционно являвшаяся «закрытой» для международного сообщества, предметом внутренних полномочий государств. Ее беспрецедентно быстрое развитие в международном праве за последние 60 лет (включающее широкий спектр норм различного характера – от общепризнанных стандартов до положений о международных механизмах с обязательной юрисдикцией по защите нарушенных прав) – одно из самых значительных достижений. По образному выражению, произошло «вторжение» международного права в область прав человека. Сегодня правовой статус личности определяется не только конституционными, но и международно-признанными правами и свободами.³ В 1948 г. было возможным только сформулировать начальный перечень фундаментальных прав в форме Всеобщей деклара-

---

² Urquhart B., Childers E. A World in Need of Leadership: Tomorrow's United Nations. Uppsala: Dag Hammarskjold Foundation, 1996. P. 42-43; см. также: Shaw M.N. International Law. 5th ed. Cambridge University Press, 2004. P. 42-44.

³ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970. С. 93; Игнатенко Г.В. Международно признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 1. С. 101.

ции прав человека, являющейся рекомендательной по своей природе. В настоящее время не просто формулирование, но обеспечение прав являются основной задачей в данной сфере международной жизни. В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. специальный раздел IV посвящен правам человека, положения которого акцентируют внимание именно на дальнейшем развитии механизмов их защиты.⁴

Отмеченная тенденция особенно заметна также на примере исключительно важных для международного сообщества сфер, в которых в течение десятилетий не было очевидного продвижения (завершение работы Комиссии международного права ООН по проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния и включение его в специальную резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, принятие и вступление в силу Статута Международного уголовного суда). Еще в 1948 г. в резолюции 260/III/V Генеральная Ассамблея признала, что по мере развития международного общения необходимость в наличии международного юридического органа, на который возлагается рассмотрение некоторых преступлений, будет все более ощутимой.

Международные отношения регулируются в основном политическими либо правовыми средствами. Политическое регулирование является основополагающим, причем в отдельных сферах занимало и занимает даже ведущее место. Отношения друг с другом строят сами государства. Общий вектор развития выстраивается в соответствии с объективными законами, но он складывается из разнодействующих усилий государств. Каждое государство на основе своей политики и интересов определяет отношение к международному сообществу и действующим в нем правилам. При прочих равных условиях эффективность международного права выше, если оно отвечает политической воле государств и уровню доверия между ними.

Безусловно, наряду с формально-юридическим равенством всех, «удельный вес» политической воли разных государств, ее влияния на функционирование международного права различен. С этой точки зрения обоснованно выделяют сильные государства, великие государства, ведущие государства.⁵ Тем не менее, современный мир не может «держаться» исключительно на одной стране, даже если она является ведущей, или на группе стран. К пониманию этого подошли, наконец, и высшие должностные лица США. Госсекретарь сделала знаменательное заявление во время своего выступления в Фонде Г. Маршалла относительно российско-американских отношений в сентябре 2008 г.: сегодняшний мир не должен строиться на много-, одно- или двухполярности. Императив дня для народов – создать сеть прочных связей между многими влиятельными

⁴ UN General Assembly, 2005 World Summit Outcome, 24 October, 2005, UN. Doc. A/RES/60/1.

⁵ См.: Yee S. Sovereign Equality of States and the Legitimacy of “Leader States” // *Towards World Constitutionalism* / Ed. by Ronald St. John Macdonald & Johnston D.M. 2005. P. 737-772.

государствами.⁶ Финансовый кризис, начавшийся осенью 2008 г. в США и охвативший практически весь мир, ясно подчеркивает такую необходимость.

Несмотря на нарастание общих проблем человечества, глобализации, которые требуют и соответствующего поведения государств, индивидуальные эгоистические интересы и диктат силы порой продолжают превалировать над общими интересами. Член Комиссии международного права И.И. Лукашук писал в связи с этим, что политическое мышление правительств существенно отстает от реалий и потребностей нашего времени, не говоря уже о будущем.⁷ Применение вооруженной силы в Косово, в Ираке вразрез с международным правом, юго-осетинский конфликт отбрасывают далеко назад все предыдущие усилия по созданию взаимного доверия и взаимопонимания. Поспешное одностороннее признание независимости составных частей государств исходя из политических соображений в противовес принципам международного права (пример бывшей Югославии, и как в ответ зеркальное отражение данной ситуации – Южная Осетия и Абхазия) неизбежно порождает цепную реакцию распада целого ряда других государств по всему миру. Все это безусловно снижает доверие к международному праву.

Вместе с тем, представляется слишком однолинейной зависимость международного права исключительно от собственных интересов государств, как ее выстраивают Дж. Голдсмит и Е. Познер.⁸ Безусловно, поведение государств и их интересы – основа создания и развития международного права, как и его соблюдения. Последнее не может *proprio nomine* предотвратить его нарушения, но оно по меньшей мере закрепляет рамки поведения, позволяет квалифицировать его как правомерное или неправомерное. В этом смысле международное право является не только подручным инструментом, оно оказывает обратное влияние на поведение государств. Р. Мюллерсон отмечает в данном контексте, что «право служит политике, которая соответствует консенсусу между участниками международных отношений и является, в то же время, препятствием (хотя и не непреодолимым) политике, которая отступает от этого консенсуса.»⁹ Интересно подчеркнуть, что все свои действия (правомерные или неправомерные), имеющие международный резонанс, государства стремятся обосновать с помощью международного права.

Право в значительной мере играет обслуживающую роль. Его задача – закрепление в юридической форме и поддержание определенной системы отношений. Какова степень совершенства самих отношений, такова

---

⁶ См.: US Department of State official web-page <www.state.gov/secretary/rm/2008/09/109954.htm>, visited on 10 November 2008; Известия. 2008. 22 сент. № 176.

⁷ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. Он же: За международным правом будущее // Международное публичное и частное право. 2006. № 4. С.2-6.

⁸ Goldsmith J.L., Posner E.A. The Limits of International Law. Oxford, 2005. P. 13.

⁹ Mullerson R. Ordering Anarchy. International Law in International Society. Martinus Nijhoff Publishers, 2000. P. 314-315.

степень развитости правового регулирования и его действенность. Международное право, регулирующее весьма динамичные взаимоотношения государств и вместе с тем имеющее достаточно стабильный характер, может быть высоко- и малоэффективным в зависимости от их состояния.¹⁰ Крах системы социализма и, как следствие, – прекращение существования двух противоположных социальных систем, идеологической конфронтации, которая довлела над всей системой отношений между государствами, кардинальная трансформация международных отношений, а также общая тенденция к сдержанности, взаимопониманию и сотрудничеству создают предпосылки того, что роль права в жизни мирового сообщества будет усиливаться.

Международное сообщество недвусмысленно выражает свое стремление к этому. В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. его участники вновь подтвердили убежденность в необходимости международного порядка, основанного на международном праве, признали, что права человека, верховенство права и демократия взаимосвязаны и относятся к универсальным и неделимым основным ценностям и принципам ООН. В резолюции 61-й сессии «Верховенство права на национальном и международном уровнях» Генеральная Ассамблея постановила ежегодно включать данный вопрос в повестку для обсуждения.¹¹

Обеспечение верховенства права в международных отношениях заявлено одним из приоритетов России в решении глобальных проблем. Данные приоритеты сформулированы в Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом РФ 12 июля 2008 г., где верховенству международного права посвящен в ней специальный раздел.¹²

Тенденция усиления роли права в жизни мирового сообщества не является, безусловно, прямолинейной. В равной мере не следует рассматривать высказанное выше мнение как взгляд на мир «сквозь розовые очки». Любое право имеет пределы своих возможностей, определенные границы. Международное право имеет более жесткие пределы возможностей по сравнению с внутренним правом. Нередко это приводит к радикальным выводам в российской и зарубежной литературе о мифах и фикциях международного права. Один из мифов – что перед международным правом стоит, якобы, задача обеспечить «победу» над «хаосом» международных отношений, целенаправленное их подчинение международно-правовому регулированию.¹³

¹⁰ См. подробнее: Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 56-57.

¹¹ UN Doc. A/RES/60/1. para. 2, 119; UN Doc. A/RES/61/39, para. 5.

¹² <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

¹³ См.: Рогожин С.Л. Мифы права. Опыт парадоксального анализа международного публичного права // МЖМП. 2003. № 3. С. 16-17; см. также: Савельев А.Н. Фикция международного права и реальность американского «рейха» // Казанский журнал международного права. 2007. № 1. С. 138-146; Goldsmith J.L, Posner E.A. Op. cit.

На самом деле задача должна заключаться не в подчинении международных отношений, тем более что далеко не все они могут быть урегулированы правом, а в сбалансированном соотношении различных средств регулирования – политических, моральных, правовых. М. Шоу обоснованно замечает: «Международное право не может быть источником постоянного разрешения конфликтов и конфронтаций в силу присущей ему слабости в структуре и содержании. ... Есть средний путь: признавать силу и слабость международного права и иметь в виду, что оно может достичь и чего не может.»¹⁴

Очевидно, тенденция усиления роли международного права в жизни сообщества не будет абсолютной и равномерной во всех сферах отношений. Скорее всего результатов можно ожидать в более «прикладных», конкретных вопросах сотрудничества (права человека, экология, освоение морских пространств, космоса, борьба с преступностью и терроризмом, образование, правовая помощь и др.), и меньше всего – в преимущественно политизированных вопросах (общие вопросы взаимоотношений, безопасность, территория, границы, государственная независимость, вооружения).

Изменяется сам характер международного права. Изначально по своей природе оно имеет координационный характер в силу суверенного равенства, независимости государств. Послевоенное устройство мира, помимо всего прочего, характеризовалось и разделением государств на враждующие лагеря, «холодной» войной, высокой степенью подозрительности и недоверия. Тем не менее, развитие и усложнение межгосударственного общения привело к тому, что в решении многих вопросов стало недостаточным наличие только координационных связей. В последней четверти XX столетия было отмечено появление и определенных субординационных элементов в механизме международно-правового регулирования.¹⁵

В начале нового века и тысячелетия есть основания говорить о дальнейшем развитии субординационных элементов. Совершенствуются действующие и появляются новые международные структуры, обладающие компетенцией (на основе международных договоров или актов международных органов) принимать соответствующие решения, в том числе обязательного характера (Суд ЕС, Европейский Суд по правам человека, Трибуналы по Руанде и по бывшей Югославии, Специальный суд по Сьерра-Леоне, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву и др.).

Очевидно, это неизбежная и необходимая тенденция. Без подобных элементов международно-правовая система вряд ли сможет играть заметную роль и вообще нормально функционировать во все усложняющемся мире.

В современных условиях особенно важно принятие оперативных и результативных мер со стороны международных органов от имени сооб-

¹⁴ Shaw M.N. Op. cit. P. 12-13.

¹⁵ Mosler H. The International Society as a Legal Community. 1976. P. 31; Василенко В.А. Международные санкции. Киев, 1982. С. 8-10.

щества в целом для пресечения угрозы международному миру или применения оружия массового уничтожения, массовых нарушений прав человека, для наказания за тяжкие преступления, а также и от имени государств конкретного региона – для защиты индивидуальных прав или разрешения межгосударственных споров. В общих интересах – признание государствами компетенции или обязательной юрисдикции подобных органов.

Что касается России, то вполне правомерно ставить вопрос о необходимости более позитивного ее подхода к проблеме. Бывший Советский Союз традиционно и последовательно (за редким исключением) делал оговорки к многосторонним договорам и конвенциям о непризнании им обязательной юрисдикции международных судебных органов или компетенции международных комитетов принимать и рассматривать жалобы отдельных граждан на нарушение их прав. За всю историю Международного Суда ООН наша страна ни разу не обращалась в него для решения международных споров.

На завершающем этапе перестройки (1985-1991 гг.) отмечены два случая «доброй воли»: в 1989 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии оговорок о непризнании обязательной юрисдикции Международного суда ООН по спорам о толковании и применении шести конвенций о правах человека, в 1991 г. – три постановления Верховного Совета СССР о признании компетенции Комитета по правам человека, Комитета по ликвидации расовой дискриминации и Комитета против пыток принимать и рассматривать индивидуальные жалобы на нарушения прав по соответствующим международным договорам.¹⁶

Это были первые и, к сожалению, последние примеры подобного рода в течение многих последующих лет. Только 3 марта 2007 г. был принят федеральный закон о снятии оговорок еще к шести конвенциям, касавшимся непризнания обязательной юрисдикции арбитража и Международного Суда ООН.¹⁷

Но до сих пор наша страна не признала в целом обязательную юрисдикцию Международного суда ООН (в настоящее время ее признали порядка 60 государств). Россия не ратифицировала на сегодняшний день и Статут Международного уголовного суда, сторонами которого являются уже более ста государств. Нет каких-либо препятствий конституционного или законодательного характера для его ратификации. Вопрос только в политической воле высших органов государства.¹⁸

С усилением субординационных элементов в международном праве непосредственно связана и другая тенденция – более интенсивное, чем

¹⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 11. Ст. 79; 1991. № 29. Ст. 842, 843, 844, 845.

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2007. № 10. Ст. 1155.

¹⁸ См.: Материалы 3-х Мартенсовских чтений, посвященных Международному уголовному Суду // Российский ежегодник международного права 2003. Специальный выпуск. СПб., 2003.

С. Мартенсов

782454

ранее, развитие международного процессуального права. Она была отмечена и начала исследоваться в российской литературе еще в конце двадцатого столетия, сравнительно недавно соответствующая тема появилась и в учебной литературе.¹⁹ В совершенствовании процессуальной составляющей заложены значительные возможности повышения эффективности международного права. Один из важных ограничителей возможностей и действенности международного права заключается в том, что оно в большей мере представляет собой свод норм о взаимных правах и обязанностях, процессуальное же право не развито. Международное право в большей мере развивалось как право материальное. Государства прежде всего стремились зафиксировать в договорах взаимные обязательства, вопросам же имплементации обязательств, обеспечения их выполнения отводилась второстепенная роль. В результате нормы международного права зачастую используются не для общих согласованных целей, а для индивидуальных интересов государств.

Когда процессуальный порядок обеспечения выполнения обязательств и защиты нарушенных прав нормативно не закреплён, потерпевшему государству трудно, а порой невозможно восстановить свои права. Очевидно, что именно в этой области находятся значительные нерешенные вопросы развития международного права. Если рассматривать вопрос шире, с точки зрения всего механизма имплементации, проблему можно представить следующим образом: договоры должны предусматривать не только взаимные обязательства сторон, но и систему средств обеспечения (стимулирования) их выполнения, а также меры, применяемые в случае их нарушения – юридические средства защиты прав потерпевшей стороны и осуществления ответственности виновной.

В частности, это могло быть признание сторонами договоров на взаимной основе компетенции соответствующих международных органов или юрисдикции международных судов в отношении рассмотрения спорных вопросов выполнения договоров и нарушения их положений. В этом смысле договоры дополняли и конкретизировали бы Проект статей об ответственности государств (будем надеяться, в будущем этот проект станет конвенцией), который содержит лишь самые общие положения процессуального характера об осуществлении ответственности. В частности, применительно к Международному суду в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. содержится призыв к государствам, которые еще не сделали этого, рассмотреть вопрос о принятии юрисдикции главного судебного органа ООН в соответствии с его Статутом.²⁰

С дальнейшим развитием международного процессуального права и

---

¹⁹ См. напр.: Пушмин Э.А. *Международный процесс и международное право*. Кемерово, 1990; *Международное публичное право* / Под ред. К.А. Бекяшева. 3-е изд. М., 2004; *Международное право* / Под ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунова. 4-е изд., М., 2006.

²⁰ UN Doc. A/RES/60/1, para. 134 (f).

системы международных судов все больше будет возникать потребность в координации и взаимодействии между ними, в учете практики друг друга, чтобы избежать противоречивого и полярного толкования и применения одних и тех же норм, а в итоге – фрагментации международного права. Соответствующие предложения неоднократно высказывались в литературе и на международных форумах. Первые скромные результаты появляются. Так, Совет Безопасности ООН пришел к убеждению, что у трибуналов по Руанде и по бывшей Югославии должна быть единая апелляционная палата.

По мнению судьи в отставке Международного суда ООН В. С. Верещетина, данный Суд в немалой мере мог бы способствовать единообразному толкованию и применению международного права, давая консультативные заключения по наиболее принципиальным вопросам, возникающим в деятельности международных судов и трибуналов.²¹

Динамизм современной жизни определяет необходимость и более динамичных способов формирования норм международного права. Безусловно, развитие международного права обоснованно связывалось и связывается в конечном итоге с договорным закреплением взаимных обязательств государств. Заключение договоров обеспечивает строгость и точность достигнутых договоренностей, большую определенность в отношениях, укрепление международного правопорядка. В этом же смысле несомненна ценность и кодификации – договорного оформления целых институтов и отраслей. В конечном итоге она способствует преобразованию международного права в стройную, согласованную правовую систему.

В процессе договорного закрепления обязательств и кодификации укрепляются юридические свойства и увеличиваются регулятивные возможности норм международного права: договор или комплекс договоров могут предусматривать наряду с нормами материального права и систему средств обеспечения их выполнения, более завершено решать проблему их юридической гарантированности. Знаменательно, что в резолюции по докладу Комиссии международного права на 28-й сессии Генеральная Ассамблея придала особое значение необходимости дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права с тем, чтобы «сделать его более эффективным средством осуществления целей и принципов, содержащихся в статьях 1 и 2 Устава ООН и в Декларации о принципах международного права, и увеличить его роль в отношениях между государствами».²²

Вместе с тем, известно, что заключения договоров в ряде важнейших сфер приходится ожидать годами и даже десятилетиями в силу политических, идеологических и иных причин. Не факт, например, что принятие резолюции Генеральной Ассамблеи по Проекту статей об ответственности подтолкнет государства к скорому заключению конвенции.

²¹ Верещетин В.С. Международный Суд ООН на новом этапе // Российский ежегодник международного права, 2006. СПб., 2007. С. 13-22.

²² Resolution N 3071 (XXVIII). Report of International Law Commission (A/9334).

В данных условиях более скорому формированию правовых норм и динамичному развитию международного права могут реально способствовать иные формы – резолюции международных организаций и конференций, решения международных судов, «мягкое право».²³ Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не только отражают общую или согласованные позиции большинства или всех членов организации, но нередко порождают последующую совпадающую практику и формирование норм. Совет Безопасности создан как орган, применяющий международное право в соответствующих ситуациях, но его решения по созданию уголовных трибуналов *ad hoc*, резолюции о борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения имеют и правотворческий эффект. В частности, министр иностранных дел РФ обратил внимание на то, что в последнее время деятельность Совета Безопасности оказывает влияние на формирование и толкование международно-правовых норм.²⁴ Решения и позиции международных судов также могут иметь правосоздающий эффект.

Ссылки государств на положения подобных документов способствуют формированию устойчивой практики, постепенному признанию их юридической обязательности и как следствие – созданию обычных норм международного права. В частности, в заявлении от 8 июля 2004 г. в связи с постановлением Европейского Суда по правам человека по «делу Илашку и др. против Молдавии и России» МИД России сослался на одно из положений резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г., в которую включен указанный выше Проект статей об ответственности государств. Он содержит многие сформировавшиеся принципы и нормы международной ответственности. На эту резолюцию сослалась и Государственная Дума в заявлении от 10 июля 2004 г. в качестве аргументации своей позиции по этому же постановлению Европейского суда.²⁵ Данные ссылки можно толковать как признание со стороны официальных органов России положений Проекта в качестве правовых норм.

Динамичное развитие международного права обеспечивается и новым толкованием ранее принятых норм, переоценкой роли и значения основных принципов международного права в современных условиях. Так, более расширенное толкование нормы о праве на самооборону, изменяющиеся подходы к принципам суверенитета, невмешательства, обеспечения прав человека приводят к формированию и признанию прав на превен-

²³ См. в частн.: Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1977. С. 124 и след.; Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы. М.: Wolters Kluwer, 2008; Бахин С.В. Субправо. СПб., 2003.

²⁴ Выступление министра иностранных дел РФ на Международной конференции ученых-юристов и специалистов в области международного права, посвященной 60-летию Победы и созданию Организации Объединенных Наций // Российский ежегодник международного права, 2005. СПб., 2006. С. 14.

²⁵ СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 899.

тивную и упреждающую самооборону, на гуманитарную интервенцию (подробнее см. ниже).

Усиление взаимозависимости мира, нарастание общечеловеческих проблем обусловило расширение сферы общего международного права в традиционных и, что особенно знаменательно, в новых отраслях. Единые для всех проблемы возможно разрешить лишь объединенными усилиями, в числе которых правовые меры должны занимать не последнее место, поскольку правовое регулирование более экономично и результативно. Глобализация резко усилила взаимозависимость государств. В Декларации тысячелетия ООН государства обозначили как главную задачу обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира, обрела всеохватывающий и справедливый характер.

Последствия глобализации отражаются и на праве: как отметила Комиссия международного права ООН, расширение сферы международного права ведет к усилению единообразия жизни общества во всем мире, в то же самое время и к угрозе фрагментации, т.е. появлению специализированных и автономных комплексов норм, институтов и сфер юридической практики. Проблема фрагментации стала предметом оживленного обсуждения в последние годы в доктрине и в международных органах. Комиссия международного права в течение нескольких лет рассматривала ее в рамках темы «Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права». Созданная в 2002 г. Исследовательская группа завершила работу в 2006 г. докладом,²⁶ который был рекомендован Комиссией вниманию Генеральной Ассамблеи. В нем отмечено, в частности, что хотя фрагментация может создавать проблемы, они не так уж новы и не носят такого характера, чтобы их нельзя было решить при помощи методов, которыми юристы-международники пользуются для устранения коллизий норм.

В рассматриваемом контексте вполне обоснованным видится утверждение члена Комиссии международного права Р.А. Колодкина (Россия), что глобализация может стать стимулирующим фактором для дальнейшего развития общего международного права, а также препятствием угрозе фрагментации международного права (распада его целостной системы).²⁷ Другим фактором является то, что международное право охватывает своим действием различные культуры и правовые системы. По выражению В.С. Верещетина, международное право является универсальным в том смысле, что оно применимо в отношениях между всеми государствами независимо от их культурных, экономических, религиозных или политических историй и традиций.²⁸

²⁶ UN Doc. A/61/10. 2006, para. 246.

²⁷ См.: Колодкин Р.А. Фрагментация международного права // МЖМП. 2005. № 2. С. 48-49.

²⁸ Vereshchetin V.S. Cultural and Ideological Pluralism and International Law // Multiculturalism and International Law / Ed. by Sienho Yee & Jacques-Yvan Morin. The Netherlands, 2009. P. 127.

Во избежание превратного толкования подчеркнем, что развитие общего международного права вряд ли можно представить как неуклонный и однолинейный процесс, и что оно займет ведущее место во всем массиве международного права. Преобладающим являлось и является двустороннее, локальное и региональное регулирование, поскольку собственные интересы государств могут быть реализованы быстрее именно на этих уровнях.

В силу отмеченных выше тенденций можно предположить увеличение числа императивных норм общего международного права (*jus cogens*). Существование данной категории норм было отмечено в середине двадцатого века рядом известных юристов. Фактом официального их признания стала разработка Комиссией международного права понятия *jus cogens* и включение его в Конвенцию о праве международных договоров. Концепция *jus cogens* находит последовательное подтверждение в договорной практике. Особое место и значимость этой группы норм Комиссия международного права обозначила также в Проекте статей об ответственности государств. Статья 26 оговаривает, что никакие обстоятельства, исключаящие противоправность деяния государства, не применяются, если речь идет о нарушении норм *jus cogens*. Им посвящена и специальная глава в этом Проекте «Серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права». Предусматривается, что такие нарушения влекут особые последствия.

Как часть обычного права *jus cogens* развивается достаточно медленно. Я. Броунли отмечает, что «есть больше оснований говорить о существовании категории *jus cogens*, чем о ее конкретном содержании, и в обычном праве не появляются нормы, соответствующие данной категории.»²⁹ Тем не менее, обычное право продолжает оставаться одним из двух основных источников международного права наряду с договорным правом. Формулированию и структурированию международного обычного права посвящены специальные исследования. (Всемирная) Ассоциация международного права создала в 1985 г. специальный комитет, поручив ему разработку проблемы. Работа продолжалась 15 лет, в течение которых комитет неоднократно представлял промежуточные доклады на конференциях Ассоциации. В 2000 г. на Лондонской конференции был заслушан и принят финальный доклад комитета “*Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law*”.³⁰

Предположение о расширении *jus cogens* выглядит сегодня скорее гипотетическим. Некоторые авторы предполагают даже возможность исчезновения или перехода в новое качество этих норм.³¹ Вместе с тем,

²⁹ Brownlie I. Principles of Public International Law. 5th ed. Oxford University Press, 2002. P. 516-517.

³⁰ Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law, reproduced in International Law Association, Report of the Sixty-Ninth Conference, 2000 (London, ILA, 2000).

³¹ Рогожин С.Л. Международное право как диалог и столкновение цивилизаций // МЖМП. 2002. № 3. С. 30.

некоторые общемировые проблемы, например, загрязнение окружающей среды, угроза применения оружия массового уничтожения, могут потребовать радикальных решений, в том числе правовыми средствами, и формирования императивных правил.

В числе наиболее значимых тенденций развития международного права – его возросшее и более тесное взаимодействие с национальными правовыми порядками, особенно его влияние на содержание и применение внутреннего права. Данная тенденция очевидна, и вряд ли кем-либо оспаривается. Международное право во внутригосударственной жизни в настоящее время – не «инородное тело», а вполне привычный нормативный материал в деятельности всех видов органов государства, в первую очередь судов, а также граждан, юридических лиц, организаций.

Обеспечение действия и применения международного права в сфере внутригосударственной юрисдикции непосредственно в правореализующей практике, прежде всего через судебную систему государств, без длительного процесса инкорпорации в законодательство соответствовало бы современной динамике жизни. Реальность, однако, пока такова, что далеко не все государства идут по этому пути.

Что касается России, то Конституция 1993 г. в главе «Основы конституционного строя» впервые в истории страны содержит достаточно радикальное положение об общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ как составной части ее правовой системы и о приоритете применения последних перед законами (ч. 4 ст. 15). Это стало поворотным пунктом в вопросе обеспечения внутригосударственного выполнения международных обязательств. На конституционном уровне определен вектор развития правоприменительной практики с непосредственным применением международного права наряду, совместно или вместо российского законодательства.

Данное конституционное положение было включено практически во все кодексы и федеральные законы, принятые после Конституции. Таким образом, действующее законодательство основано на единых принципах и подходах к международному праву, что не было характерно для законодательства предыдущего социалистического периода.

Все это неизбежно сказалось на расширении судебной практики, связанной с применением международных норм. Можно сказать более – она стала обычным явлением в судах всех видов и уровней. В значительной мере именно от судейского корпуса зависит выполнение международных обязательств страны в рамках территориальной юрисдикции.³² Такая практика встречается и в уставных (конституционных) и мировых судах субъектов РФ, в которых они созданы. В советский период ситуация была принципиально иной: существовал только один вид судов общей юрисдикции, случаи же применения международного права были не частыми.

---

³² **Марочкин С.Ю.** Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2005.

Помимо усилившегося взаимовлияния международного и внутреннего права изменяется в целом роль международного права: оно служит не только традиционным связующим звеном в отношениях государств на международной арене, но и основой создания общего правового поля, общего правового режима (экономического, финансового, таможенного, образовательного и др.) в территориальных пределах государств, вплоть до унификации правовых норм. Инструментами данного процесса являются международные договоры (соглашения), международные структуры (организации, содружества, сообщества), союзы, союзные государства.

Одна из главных характерных черт развития – изменение значимости тех или иных принципов среди основных принципов международного права. Безусловно, согласно Декларации 1970 г. о принципах международного права³³ все они должны толковаться и применяться во взаимосвязи. Но в разные исторические периоды тот или иной принцип может иметь большее либо даже основополагающее значение. Р. Мюллерсон пишет в этой связи, что важность различных принципов может меняться. С 1945 г. баланс целей и принципов Устава ООН, хотя все они сохраняют свою значимость, безусловно изменился.³⁴

Таковыми в свое время были, например, принципы государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела. В период падения колониальной системы особенно актуальным был принцип самоопределения, прошедший путь от морально-политического положения до общепризнанного юридического принципа. Во время противоборства двух социальных систем социалистическая наука международного права в качестве базового, системообразующего выделяла принцип мирного сосуществования, остальные же принципы рассматривались как подчиненные ему.³⁵

С падением системы социализма и постепенным утверждением в странах бывшего социалистического лагеря общедемократических ценностей принцип мирного сосуществования ушел в прошлое. Утратил прежнюю актуальность принцип самоопределения с решением в целом проблемы колониальной зависимости. Государственные границы, суверенитет, невмешательство уже не имеют прежнего значения, утрачивают черты незыблемости, о чем опять же свидетельствуют отмеченные выше процессы интеграции, стирания границ, создания общих правовых, экономических, иных пространств. Это – явление и даже веление времени, отмечаемое как на официальном уровне, так и в доктрине.

Очевидно, в какой мере развитие мира в XVII-XIX вв. было обусловлено становлением и укреплением государственности, суверенитета и невмешательства, в такой отстаивание сейчас их неприкасаемости будет идти вразрез с реальным развитием. Как отмечает председатель Конституционного Суда РФ, демократическое и правовое государство в со-

³³ UNGA Resolution 2625 (XXV) 24 October 1970, para. 2.

³⁴ Mullerson R. Op. cit. P. 168-169, 309; см. также: Vereshchetin V.S. Op. cit. P. 118.

временном мире не может быть полностью, абсолютно суверенным в первоначальном понимании этого слова. Нельзя быть государством-крепостью в условиях интернационализации прав и свобод человека, интернационализации современной экономики, финансовых потоков, в системе современных международных отношений в целом.³⁶

На одну из первых позиций среди основных принципов международного права выходит принцип уважения прав человека. И принцип невмешательства может не приниматься во внимание, если речь идет о грубых и массовых нарушениях прав человека. Практика ООН свидетельствует, что Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности периодически принимали решения против государств вопреки их ссылкам на принцип невмешательства во внутренние дела, когда речь шла о нарушениях прав человека, о праве на самоопределение и о колониализме, о самоуправляющихся территориях.³⁷

В рассматриваемом контексте правомерен вопрос о гуманитарном вмешательстве (интервенции) международного сообщества в дела конкретного государства для пресечения массовых нарушений прав человека.³⁸ Подчеркнем, именно сообщества, причем в случае необходимости применения вооруженной силы – с санкции Совета Безопасности.

Вместе с тем, надо отметить, что до недавнего времени в российской официальной позиции отстаивалось незыблемое значение принципов государственного суверенитета и невмешательства в противовес принципу уважения прав человека и в обоснование, в связи с этим, незаконности гуманитарного вмешательства.³⁹ Такой подход находил и находит поддержку в литературе.

Представляется, что это позиция вчерашнего дня, а ее аргументы не отличаются корректностью: якобы, при отстаивании первенства прав человека сам институт государства объявляется главным виновником нарушений этих прав, «размывается» принцип государственного суверенитета, доктрина гуманитарного вмешательства заведомо предполагает неравенство и произвол в отношениях между государствами и может расшатать международный порядок до пределов.

---

³⁵ См.: Курс международного права: В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права. М.: Наука, 1989. С. 16.

³⁶ Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 23.

³⁷ См.: Brownlie I. Op. cit. P. 296, 558, 601.

³⁸ Обзор проблемы см., в частн.: Карташкин В.А. Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире // Юрист-международник. 2003. № 3; Мюллерсон Р. более того, говорит о гуманитарной интервенции как «о преобладающей тенденции в современном развитии международного права» (Mullerson R. Op. cit. P. 311-313).

³⁹ См. напр.: Выступление министра иностранных дел РФ на международной конференции «Вступая в XXI век: к примату права в международных отношениях» (2 ноября 2000 г., Москва) // МЖМП. 2001. № 1. С. 3-9.

На самом же деле смысл не в расшатывании основ государства (суверенитета, невмешательства, границ), а в том, чтобы они уже не использовались для обоснования вседозволенности и неприкасаемости (а в связи с этим нередко как следствие — и произвола) в отношении политического режима и прав личности.

В последние годы официальная позиция не выглядит столь категоричной, в нее внесены определенные коррективы. Так, выступая на Международной конференции ученых-юристов и специалистов в области международного права, посвященной 60-летию Победы и созданию Организации Объединенных Наций (Москва, 27 июня 2005 г.), министр иностранных дел РФ отметил, что допустимо применение силы против государства без его согласия для пресечения или предотвращения массовых и грубых нарушений прав человека (геноцид, преступления против человечности), распространения оружия массового уничтожения, но лишь на основе волеизъявления международного сообщества, т.е. по решению компетентного в соответствии с Уставом ООН органа — Совета Безопасности.⁴⁰

Потребность времени — дальнейшая гуманизация международного права. В данном случае речь идет не только о последующем развитии такой его отрасли, как права человека, а о том, что международное право становится менее «этатистским» (правом на уровне государств и межгосударственных структур и только для них). Традиционно оно развивалось как право государств, как регулятор межгосударственных отношений. Но в эпоху глобализации, взаимозависимости и прав человека оно не может оставаться прежним. В настоящее время участниками международного общения являются и оказывают на него все растущее влияние также неправительственные структуры — ТНК, СМИ, международные неправительственные (общественные) организации. Международное право имеет все большее значение в регулировании прав и защите интересов физических и юридических лиц.

Соответственно, все большее значение на международной арене приобретают индивидуальные и частные права и интересы. Неправительственные организации играют растущую роль в решении ряда важных международных проблем, которые всегда входили в сферу межгосударственной компетенции. Так, в решении Будапештского саммита СБСЕ 1994 г., в решении № 1 Совета министров ОБСЕ «Активизация усилий ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми» 2000 г. отмечен вклад НПО в защиту прав человека, в предотвращение и урегулирование конфликтов, в диалог с правительствами и межгосударственными организациями, в предотвращение торговли людьми.⁴¹

Стремление к строительству цивилизованного правового государства

---

⁴⁰ См.: Российский ежегодник международного права, 2005. СПб: СКФ «Россия-Нева», 2006. С. 16.

⁴¹ См.: Международные акты о правах человека. Сборник документов. 2-е изд. М., 2002. С. 807-809, 831-833.

во многих странах предполагает наличие развитого гражданского общества и возможность его влияния на государство. Вполне обоснованно говорить о необходимости наличия и мирового гражданского общества и его воздействия на сообщество государств и межгосударственных организаций. Применительно к ООН в Докладе на саммите тысячелетия Генеральный секретарь подчеркнул необходимость внести коррективы в работу Организации, чтобы она могла в полной мере использовать потенциал гражданского общества.⁴² В частности, по Плану действий, разработанному Секретариатом ООН, роль гражданского общества может быть значительной в содействии подписанию и ратификации многосторонних договоров, а в Декларации тысячелетия государства - члены ООН поставили задачу предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ Организации (para. 30).

Международное право и международные институциональные образования не могут функционировать и развиваться без учета тенденции его гуманизации. Показательно это на примере деятельности даже Международного суда. Являясь по своему назначению сугубо межгосударственной структурой, главным судебным органом ООН по разрешению споров между государствами и формулированию консультативных заключений по запросам уполномоченных органов ООН и межправительственных организаций, Суд в подавляющем большинстве случаев на протяжении всей своей деятельности воздерживался от прямых предписаний в отношении органов государств, физических и юридических лиц.

Однако в некоторых консультативных заключениях и решениях последних лет Суд переломил эту традицию, сформулировав непосредственно обязательства государственных органов, включая суды, что свидетельствует о возрастающем признании примата международных обязательств в случае их конфликта с национальным правом. Кроме того, в деле братьев *La Grand*⁴³ Международный суд констатировал не только нарушение США своих обязательств по Венской конвенции 1963 г. о консульских сношениях, но и прав физических лиц, непосредственно вытекающих из Конвенции.

Еще из «оговорки Ф. Ф. Мартенса» вытекает, что международное право действовало и действует не только в отношении государств, но и непосредственно в отношении людей. Международное право, привычно трактуемое как совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами, международными межправительственными организациями и государство-подобными образованиями, очевидно, со временем будет правом международного сообщества в широком смысле. Оно все чаще будет включать в сферу своего регулирования негосударственные структуры и индивидов.

⁴² См.: UN doc. A/54/2000. para. 332.

⁴³ International Court of Justice, *La Grand Case, Germany v. United States of America*, Judgement of 27 June 2001, UN Doc. ICJ(05)/R3/2001.